

■ ЗАКОН СИЛЬНОЙ

Криминальное соло Марины Крамер

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ МЕЛОДРАМЫ

МАРИНЫ КРАМЕР

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут
Все оттенки желаний
Привилегия женщин

Сериал «Журналистка из Изумрудного города»

Жить на свете стоит
Умереть, чтобы жить

Сериал «По прозвищу Щука»

Я не ангел
Не верь, не бойся, отпусти
Соблазны Снежной королевы
Закон ее прошлого

Сериал «Кодекс жены самурая»

Три женских страха
Дочь мафии
Жена самурая
Последнее японское предупреждение
Школа выживания волчицы

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»

Черная вдова, или Ученица Аль Капоне
Нежная стерва, или Исход великой любви
Первая леди города, или Между двух берегов
Госпожа страсти, или В аду развод не принят
Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце
Королева мести, или Уйти навсегда
Роскошная хищница, или Сожженные мосты
Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски
Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы
Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие
Визит с того света, или Деньги решают не все
Судьбу не изменить, или Дамы выбирают кавалеров
Охота на мстителя, или Дамы убирают кавалеров

Сериал «Танго под прицелом»

Мэри, или Танцы на лезвии
Марго, или Люблю-ненавижу
Алекс, или Девушки любят негодяев
Дар великой любви, или Я не умею прощать
Финальный танец, или Позови меня с собой

Сериал «Сердце следователя»

Тайны взрослых девочек
Требуется влюбленное сердце
Время злых чудес

Сериал «Клиника раненых душ»

Силиконовая надежда
Пластика для души
Хирургия мести

The title 'МАРИША КРАМЕР' is rendered in a black, serif, all-caps font. The letter 'М' in 'МАРИША' is partially enclosed by a grey circle, and the letter 'М' in 'КРАМЕР' is also partially enclosed by a grey circle. A horizontal line passes through the middle of the text. In the upper right corner, there are several geometric shapes: a large 3D wireframe pyramid, a smaller 3D wireframe pyramid, and several 2D wireframe triangles of various sizes and orientations.

МАРИША
КРАМЕР

**СИЛИКОНОВАЯ
НАДЕЖДА**

Москва

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Редактор серии *Т. Масленникова*

Оформление серии *С. Прохоровой*

В оформлении обложки использована
фотография: Mayer George / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Крамер, Марина.

К77 Силиконовая надежда : роман / Марина Кра-
мер. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Закон силь-
ной. Криминальное соло Марины Крамер).

ISBN 978-5-04-102663-9

Преуспевающая владелица клиники пластической хирургии Аделина, ее новый подчиненный Матвей и повариха Анна. Три совершенно разных человека оказываются связаны друг с другом событиями, происходившими в их жизнях в прошлом и продолжающимися до сих пор. Аделина – жертва шантажа, и к этому причастен кто-то из близких людей, у Матвея – проблемы в личной жизни. Анна вынуждена делать то, чего сама не хочет. Кто из них окажется настоящим, а кто носит маску, которая упадет в самый неподходящий момент?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102663-9

© Крамер М., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

«Мы ответственны за тех, кого приручили».
Хорошее, благородное правило..
Но что делать, если ты разочаровался?
Как быть, если ты понял, что не должен был
приручать того, кто приручился?

АНХЕЛЬ ДЕ КУАТЬЕ.
«МАЛЕНЬКАЯ ПРИНЦЕССА»

Аделина

Меня зовут Аделина, и я вижу сны. Понимаю, что звучит странно, сны видят все, но мои сны иногда, к моему ужасу, сбываются наяву. И — никогда ничего хорошего. Честное слово, ни разу не сбылось что-то приятное, позитивное и доброе, только всякая дрянь. Чаще всего мне снится брат. Николай, или Николенька, как звала его мама, единственный родной человек, оставшийся у меня в жизни. Мама умерла, отец давно живет в другой стране и даже не вспоминает о том, что в его жизни когда-то были жена и дети. Мы уже взрослые, ему нет нужды заботиться о нас — да и в нашем детстве он не слишком обременял себя этим. Когда он решил перебраться за границу, мама отказалась ехать с ним, они оформили развод, и больше отец в нашей жизни не появлялся. Я даже не знаю, жив ли он. Когда шесть лет назад умерла мама, я только-только открыла свою клинику, а Николенька делал вид, что учится на втором курсе факультета журналистики. Мама так и не узнала, что мне приходилось оплачивать его зачеты и экзамены, иначе

за систематические прогулы и неуспеваемость его давно бы отчислили и отправили в армию. Это, наверное, даже к лучшему — она ушла спокойно, не переживая и не волнуясь за нас, считая, что я, как старшая и успешная, не дам пропасть младшему брату и помогу ему чем смогу (в основном, конечно, деньгами) на пути в большую журналистику. Если, конечно, она в тот момент об этом еще помнила. Не узнала мама и того, что ее обожаемый Николенька вместо написания статей и чтения умных книжек просиживал сутками за компьютером, играя в преферанс. Он был одержим идеей быстрого заработка, и, разумеется, журналистика не относилась к тем видам деятельности, где можно за пять минут заработать кучу денег. Правда, как выяснилось, игра в преферанс тоже требовала таланта и напряжения умственных ресурсов, а также денежных вложений. Но, когда я об этом узнала, было уже поздно...

Мне приснился сон, в котором я увидела брата стоящим в яме, а сверху на него сыпалась земля. Я кричала, спрыгнула к нему и руками старалась отгрести землю, засыпавшую Николеньку с большой скоростью. Мне никак не удавалось ни вытащить его, ни хотя бы остановить поток сыплющейся откуда-то сверху земли. Проснувшись я от боли в пальцах и такого бешеного сердцебиения, что всерьез подумала о вызове кардиобригады. Первое, что я сделала, немного успокоившись, — это позвонила брату. Николенька взял трубку не сразу, недовольно пробурчал:

— Какого фига, Деля? Семь утра!

— Вот и прекрасно, тебе давно пора быть на ногах и в университет собираться. — После очередного отчисления мне удалось-таки уговорить ректора восстановить моего непутевого братца, но, похоже, скоро его опять отчислят за непосещение.

— У нас сегодня нет занятий.

— Коля! Может, хватит? — не выдержала я, нервно выдергивая из пачки сигарету. — Занятия у вас есть, только ты туда не собираешься.

— Вот скажи, ты зачем задаешь вопросы, ответы на которые тебе всегда не нравятся? — поинтересовался брат.

— Не заставляй меня ехать к тебе и вести на занятия за ручку.

— Еще не хватало.

— Тогда собирайся и вали сам, я проверю.

— Достала ты меня со своим контролем! — взорвался братец. — Мне двадцать пять лет, я что — сам не разберусь?

— Нет, сам ты, к сожалению, не разберешься, — стараясь не заводиться, произнесла я. — К началу сессии разбираться с твоими пропусками и академической неуспеваемостью опять придется мне. Плавали, знаем.

— Денег зажала — так и скажи.

— Они мне не с неба падают, если знаешь. Короче, быстро собрался — и в университет. Все. В три часа я приеду и заберу тебя, поедем на кладбище.

— У меня лекции в час заканчиваются — мне что, торчать в универе?

— Да, представь себе. В библиотеке посиди, там всегда есть чем заняться. Если, конечно, ты вообще знаешь значение слова «библиотека», господин будущий великий журналист, — съязвила я и положила трубку.

Когда в три часа я подъехала к зданию университета, Николеньки на крыльце ожидаемо не оказалось. Как не оказалось ни в библиотеке, ни в столовой. Собственно, и на занятиях он тоже не появился, это я выяснила в деканате, где декан уже узнавал меня и называл по имени-отчеству.

На кладбище я поехала одна, долго сидела на скамейке у могилы мамы и обещала ей, что не брошу непутевого братца, заставлю его доучиться. Я не стала делить с ним мамину квартиру — у меня уже была своя, и я посчитала, что Николеньке важно остаться там, где он вырос, в привычной обстановке. Я всегда помогала ему деньгами, потому что где еще студент мог их взять? О том, что все деньги он просаживает в покер или на бирже, я узнала значительно позже, когда, как я уже говорила, было поздно на что-то влиять.

Матвей

Едва переступив порог кабинета главного врача, он сразу понял — нет, не сработаются. За столом сидела худощавая блондинка с чуть длинноватым острым носом и огромными прозрачными серыми

глазами, взгляд которых ему почему-то сразу не понравился.

«Жаль, — подумал Матвей, беглым взглядом окидывая помещение. — Клиника хорошая, видно, что со знанием дела все организовано, грамотно. Да и клиентура явно состоятельная, если исходить из прејскуранта». Но женщина, сидевшая в кресле главного врача, ему не понравилась, а за годы практики Матвей приучил себя работать только с теми, кто не вызывает у него негативных эмоций, и окружать себя в операционной только теми, кому он мог доверять и кого понимал не с первого слова — со взгляда. «Действительно, очень жаль, — снова мысленно вздохнул Мажаров. — Только время зря потратил».

Эту клинику ему посоветовал бывший однокурсник Валька Мамонтов. Матвей как раз находился в поиске работы — с прежней ушел, почувствовав, что достиг «потолка», забраться выше которого не может, а прозябать там, где неинтересно, не желал. Мажарова называли хирургом от бога, хотя он страшно не любил этого пошловатого сравнения, считая, что человек с дипломом врача просто не имеет права делать свою работу плохо. Но он и в самом деле был талантливым хирургом, способным увидеть проблему там, где остальные ее еще и не заподозрили. Он обладал блестящей техникой, не допускал даже мелких ошибок, а процент излечившихся у Мажарова всегда был выше, чем у других его коллег. Матвей не был честолюбивым, карьерный рост его совершенно не интересовал, и потому

он отверг несколько предложений о назначении заведующим отделением, считая, что административная рутина убьет в нем хирурга. Увольнение из больницы, где он проработал с самого окончания института, было связано с тем, что Матвей осознал: он может куда больше, чем резекция желудка, а потому посчитал необходимым заняться пластической хирургией. Не то чтобы его интересовали грудные импланты и обрезанные до пекинесьего вида носы капризных барышень — нет, он хотел помогать тем, кому на самом деле была необходима помощь хорошего хирурга-пластика, — людям, действительно нуждавшимся в коррекции изъянов, а не тем, кому просто не нравилась морщина между бровей. Однако вскоре оказалось, что пластических хирургов развелось столько, что найти работу стало весьма и весьма проблематично. Матвей кочевал из одной клиники в другую, чувствуя, что его потенциал пропадает, растрачивается на устранение незначительных косметических дефектов, тогда как ему хотелось совершенно иного.

Вот тут-то и подвернулся Валька Мамонтов, рассказавший о небольшой частной клинике за городом, которую возглавляла его приятельница Аделина Драгун.

— Баба она еще молодая, но с амбициями, — рассказывал Валька, сидя напротив Матвея в ирландском пабе, куда они приехали как-то вечером посмотреть футбольный матч и попить пивка. — Врачей у нее трое, сама тоже оперирует, но ищет, как я слышал, еще одного хирурга. Клиенты в

основном состоятельные, клиника-то вроде пансиона — одноместные палаты, какой-то модный повар, лес кругом, тишина, все условия для реабилитации.

— И что — перекраивает лица за большие деньги?

— Удивишься — нет. Делька, конечно, берется за разные мелочи типа скул и подбородков, но в основном к ней едут те, от кого отказались в других местах — она практически заново людям лица собирает. А для такой работы, как ты понимаешь, необходимо иметь и клиентов платежеспособных, за чей счет клиника и развивается. Ну, и спонсор там тоже имеется, и, как мне кажется, довольно влиятельный и состоятельный, но Делька об этом, понятное дело, не распространяется.

Это Матвея заинтересовало, потому что было как раз тем, чем и сам он хотел бы заниматься. Подарить отчаявшемуся человеку шанс на новую жизнь с новой внешностью — вот о чем он всегда мечтал, как бы ни высокопарно это звучало.

— А телефончик не подгонишь? — небрежно поинтересовался он, расправляясь с огромной креветкой в чесночном кляре.

— Запросто. Только... Аделина Эдуардовна девушка с характером, может со входа огорчить, так что ты имей это в виду.

— А чего так?

— Старая дева, живет одна, все интересы крутятся вокруг работы, так что и к людям она подходит с такой позиции — полезен ли он клинике, будет

ли отдаваться на сто процентов. Ее ничего в жизни больше, кажется, и не интересует, — рассмеялся Валька.

— Ну, я не жениться на ней собираюсь, а с отношением к работе у меня никогда проблем не возникло, если знаешь. Давай телефон.

Собственно, вот так Матвей Мажаров и оказался в этом бело-голубом холодном кабинете, откуда теперь собирался выйти после кратких извинений. Едва он открыл рот, чтобы сказать о том, как сожалеет, что потратил чужое время, сидящая в кресле женщина в зеленой хирургической робе под белым халатом вдруг произнесла:

— Если не ошибаюсь, вы — тот самый Мажаров, о котором недавно была статья в «Медицинской газете»?

Матвей слегка удивился:

— Вы читали?

— Да. И если все, о чем там сказано, правда, то вы мне подходите.

— Газетчики приукрасили, конечно, но в целом... Но я не об этом хотел... — И тут его перебили:

— Я в состоянии отделить газетные красоты от истинного положения вещей. Кроме того, я навела справки после вашего звонка. Повторяю — вы мне подходите. Предлагаю определиться, подходит ли вам я, — сказала Драгун и тут же смутилась, поняв, что фраза прозвучала довольно двусмысленно.

Матвей с удивлением отметил, что смущается она совсем как ребенок — краснеет, опускает глаза и суетливо бегаёт пальцами по столу. Для доволь-

но сухой внешности и явно тяжелого характера это было странно, но почему-то показалось ему милым.

— Видите ли, Аделина Эдуардовна, я не уверен, что смогу сработаться с вами.

— А я не предлагаю вам работать со мной. У меня есть еще два отличных хирурга, вы можете пока поработать с кем-то из них, они, думаю, с удовольствием будут первое время вам ассистировать.

— Странно, мне сказали, что врачей в клинике трое помимо вас.

— Третий — терапевт. Есть еще анестезиологи, врач кабинета физиотерапии, психолог и психотерапевт. Штат, как видите, немаленький, это не считая медсестер, санитарок, повара с ее помощниками и двух официанток, а также подсобного рабочего и нескольких ребят из охранный фирмы. — Матвею показалось, что, перечисляя это, Драгун даже слегка улыбнулась, явно гордясь своим детищем. — У нас новейшее оборудование, нет проблем с медикаментами, прекрасный послеоперационный уход, словом, вы не пожалеете, если решите остаться. Ну, и работы всегда хватает.

«Похоже, она меня уговаривает, — размышлял Матвей, забыв о приличиях и уже в упор рассматривая сидевшую напротив него Аделину. — Странно, почему она не замужем. Я-то думал, тут все будет запущено — очки, блеклые волосюшки в пучке и запах от сорока кошек, а она вполне интересная женщина. Разве что глаза чересчур холодные и какие-то уставшие. А так — вполне, вполне...»

Драгун вдруг встала и направилась к окну, и Матвей понял, что смутил ее своим пристальным взглядом, и она старается скрыть смущение. «А чего, собственно говоря, я так упираюсь? — спросил себя Мажаров. — Клиника-то на самом деле хорошая. Ну, не приглянулась мне главный врач — так что с того? Она вон и сама сказала, что за один стол со мной не встанет, так в чем проблема? Попробую, пожалуй, поработаю три месяца, не понравится — уйду, кто меня привяжет?»

— У меня только один вопрос, Аделина Эдуардовна, — кашлянув в кулак, произнес он вслух. — Когда мне приступать?

Она обернулась и, смерив его чуть насмешливым взглядом, спросила:

— Что, даже размером оплаты не поинтересуетесь?

— Нет, — весело подтвердил Матвей. — Думаю, платят у вас прилично. Собственно, меня куда сильнее интересует ваша операционная.

— Ну, это мы легко исправим. — Она вернулась к столу, нажала кнопку интеркома, и через секунду в кабинет вплыла пышная белокурая красавица в строгой юбке, белой рубашке и кокетливом бело-голубом платочке на шее:

— Вызывали, Аделина Эдуардовна?

— Да, Аллочка, будьте так любезны, выдайте доктору Мажарову халат и проведите ему небольшую экскурсию по клинике — от палат до операционной.

— С удовольствием, — окатила Матвея томным взглядом администратор.

— А когда закончите, подготовьте, пожалуйста, договор о приеме Матвея Ивановича на испытательный срок.

— Хорошо. Идемте, Матвей Иванович. — Девушка распахнула дверь и жестом предложила Матвею выйти первым.

Выходя, Мажаров затылком ощутил провожавший его взгляд Аделины.

Анна

— А это у нас, так сказать, кухонный блок, — раздался за моей спиной звонкий голос администратора клиники. — Аделина Эдуардовна не любит название «пищеблок», потому называет это кухней. А это — знакомьтесь — Анна Александровна Тихомирова, наш шеф-повар и вообще волшебница.

Я повернулась от раковины, где только что сортировала почищенные помощницей тушки кальмаров, и увидела перед собой высокого выбритого наголо мужчину в одноразовом синем халате поверх туго обтягивавшей бицепсы и широкую грудную клетку белой водолазки. Он смотрел на меня, чуть наклонив вправо голову, и протягивал руку:

— Матвей Иванович Мажаров, новый хирург.

— Анна. — Я проигнорировала протянутую руку, потому что моя была в перчатке и с нее стекали капли воды.

— Значит, это вы — тот самый легендарный шеф-повар, о котором столько говорят?

Я смутилась еще сильнее:

— Ерунда какая-то...

— Хорошенькая ерунда! — вклинилась Аллочка. — Вы ее не слушайте, Матвей Иванович, Аня у нас девушка скромная. Но как только вы попробуете то, что она готовит, — все, считайте, что попали в плен.

— Алуся, перестань, а? — жалобно попросила я, мечтая уже только о том моменте, когда новый хирург выйдет наконец из моего подземного царства.

— Нет, не перестану. Вы, Матвей Иванович, непременно расскажите Ане, что вы любите и не любите есть, и можете быть уверены в том, что она это запомнит.

— Это у вас тут что же, ко всем такой подход? — удивился он, и Алка, зараза, засмеялась:

— Нет, только к избранным.

— Ну что ты ерунду говоришь? — перебила я, чувствуя, как пылают щеки. — Мы и у пациентов всегда выясняем, кто что любит и не любит, чтобы пребывание здесь было максимально комфортным. Так Аделина Эдуардовна говорит.

— Похоже, начальница ваша тут в большом авторитете, — заметил новый хирург, и я мгновенно почувствовала укол неприязни к нему:

— Не надо ее так называть.

Его брови удивленно взметнулись вверх.

— Я разве что-то обидное сказал? Наоборот, с почтением. Такая молодая женщина — и такое уважение.

— Она очень хороший человек, ее все любят. А сейчас, если вы позволите, мне надо вернуться к приготовлению обеда. На стенке у двери висит блокнот, найдите там чистую страницу, напишите свое имя и перечислите, пожалуйста, то, что любите и не любите. И есть ли аллергия на продукты, — проговорила я заученную фразу почти механическим голосом и отвернулась к раковине.

— Извините, что оторвали вас, — произнес новый хирург за моей спиной. — Было приятно познакомиться.

— Взаимно, — буркнула я, не оборачиваясь, и, наскоро побросав подготовленные тушки кальмаров в большую чашку, ушла в основное помещение кухни, где располагались плиты и рабочие столы.

На самом деле мне это знакомство не принесло ничего приятного, скорее — наоборот. Много лет я приучала себя не замечать мужчин, не впускать никого в свое сердце, не привязываться к кому-то. И тут, когда я почти сумела справиться со всеми соблазнами, чтобы иметь возможность заниматься только работой, вдруг появляется этот Матвей... Нет, я не могу себе позволить никаких симпатий, никаких романов, иначе все, что я выстраивала с таким трудом, рухнет, и я снова погружусь туда, откуда с болью и мучениями выбиралась так много лет.

Аделина

Конверт. Обычный почтовый конверт с маркой в верхнем правом углу. Проблема только в том, что мне никто не может писать писем. Но в адресной строке указано мое имя, значит, ошибки быть не может, письмо адресовано мне. И это не самое лучшее завершение и без того тяжелого дня, вот что. Я была уверена, что в конверте нет никаких добрых вестей — хотя бы потому, что писем я ни от кого не ждала.

Оставив конверт на полке под зеркалом в прихожей, я первым делом направилась в ванную — контрастный душ всегда помогал мне хоть чуть-чуть взбодриться после трудного рабочего дня. Да, я уже несколько лет могу позволить себе домработницу, которая приходит раз в два дня, наводит порядок в моей просторной и почти пустой квартире, готовит какую-то еду — так что у меня нет нужды в домашних хлопотах, если я устала. Но иногда хочется самой приготовить себе ужин, самой вытереть пыль с мебели, почувствовать себя женщиной.

Я живу, словно притиснутая толпой к окну в автобусе. Мимо проходит жизнь, в которой я не участвую, — я только наблюдаю за ней, сплющив лицо о холодное стекло, и не могу ни выйти из ненавистного автобуса, ни даже разбить это чертово окно, чтобы хоть на секунду стать свободной и просто попробовать жить. Как запрограммированный автомат, я выполняю каждый день набор необходимых действий, а вечером валяюсь с ног от усталости,